

М. А. Даниэль

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНКЛЮЗИВ
МЕСТОИМЕНИЕМ ПЕРВОГО ЛИЦА?
(терминологический экскурс
в типологической перспективе)**

В настоящей статье обсуждается одна терминологическая проблема, связанная с описанием инклюзивного местоимения¹.

1. Традиционная типология рассматривает инклюзивное местоимение как член оппозиции эксклюзив vs. инклюзив внутри категории первого лица множественного (также двойственного, паукального или, в общем случае, неединственного) числа, т. е. как субкатегорию. Типичная формулировка дескриптивной грамматики может выглядеть следующим образом:

«в языке L местоимения первого лица множественного числа характеризуются категорией эксклюзивности ~ инклюзивности»

или

«местоимения первого лица множественного числа языка L различают эксклюзивную и инклюзивную форму».

Этот же взгляд на инклюзивное местоимение закреплён во многих теоретических пособиях по лингвистике, в числе прочих [ЛЭС 1990, 193; Мельчук 1998, 204; Плунгян 2000, 256].

¹ Т. е. такого личного местоимения, которое может обозначать совокупности лиц, включающие и говорящего, и адресата, и не может, по крайней мере, в основной своей функции, обозначать никаких совокупностей лиц, не удовлетворяющие этому условию.

М. А. Даниэль. Является ли инклюзив местоимением первого лица...

Мотивация этой терминологии вполне прозрачна. Действительно, если мы возьмем, например, русское местоимение *мы*, то окажется, что в языках, где противопоставлены инклюзивное и эксклюзивное местоимение, ему соответствуют две различные местоименные формы — такое ‘мы’, которое включает адресата (‘мы’-инклюзивное) и такое ‘мы’, которое исключает адресата (‘мы’-эксклюзивное). Ср. русские местоимения множественного числа и их эквиваленты в языке хуаллага кечуа [Weber 1989, 37]:

Таблица 1.

Личные местоимения русского языка и языка хуаллага кечуа

‘мы’-нейтральное	<i>мы</i>	<i>noqakuna</i>	‘мы’-эксклюзивное
		<i>noqanchi</i>	‘мы’-инклюзивное
‘вы’	<i>вы</i>	<i>qamkuna</i>	‘вы’

В связи с тем, что в языках без инклюзива местоимение ‘мы’ как бы нейтрализует противопоставление, засвидетельствованное в языках с инклюзивом, такое ‘мы’ иногда еще называют ‘мы’-нейтральным. Впрочем, для краткости ‘мы’-нейтральное чаще всего называют просто ‘мы’. Итак, традиционная типология различает три местоимения первого лица множественного числа — ‘мы’(-нейтральное), ‘мы’-эксклюзивное и ‘мы’-инклюзивное.

2. Эмпирические данные, однако, не всегда одинаково хорошо укладываются в эту схему. Достаточно давно известно, что в некоторых языках, при необязательности или вообще отсутствии у местоимений категории числа, существует инклюзивное местоимение ‘говорящий, адресат и, возможно, другие’. Так устроена система личных местоимений, например, в аймарских языках Перу [Hardman de Bautista 1974, 32, 257]. Аймарские личные местоимения не маркированы по числу, хотя, как и другие субстантивные основы, факультативно присоединяют субстантивный числовой показатель *-naka*: *na(ya)* ‘говорящий; говорящий и другие’ *na-naka* ‘говорящий и другие’, *juma* ‘адресат; адресат и другие’, *juma-naka* ‘адресат и дру-

гие', *jiwasa* 'говорящий и адресат; говорящий, адресат и другие', *jiwasa-naka* 'говорящий, адресат и другие' [там же, 258].

При попытке применить к такой системе традиционную терминологию исследователь неминуемо сталкивается с проблемой — в каких терминах характеризовать инклюзивное местоимение? Очевидно, говорить в данном случае, что инклюзив является местоимением первого лица множественного числа, затруднительно, так как никакого эксклюзивного местоимения первого лица множественного числа да и вообще местоимений множественного числа в этом языке нет. Можно было бы подвести аймарские данные под стандартную схему, сказав, что в подобных языках эксклюзивное местоимение множественного числа первого лица формально совпадает с местоимением единственного числа первого лица и при этом может факультативно маркироваться показателем множественного числа. В таком случае мы должны были бы продолжить различение формально идентичных форм и во втором, и в третьем лице аймарских местоимений и получить таблицу 2, часть «а» (см. следующую страницу). Совершенно очевидно, однако, что такое решение неадекватно отражает парадигматические категории аймарских местоимений, так как специфика аймарского местоименного числа связана не с омонимией местоимений единственного и множественного чисел, а с факультативностью категории числа. Легко видеть, что выбор парадигматического представления, отраженного в части «а» таблицы 2, мотивируется именно и исключительно нежеланием отказаться от традиционной схемы. Замечу, кроме того, что этот подход порождает неадекватности в описании сочетаемости личных местоимений с показателем множественного числа (первое лицо *na-naka* и второе лицо *huma-naka* могут обозначать совокупность из двух или более лиц, в то время как инклюзив *hiwasa-naka* может обозначать лишь совокупности из трех или более лиц, что делает проблематичной интерпретацию показателя *-naka*; ср. также ниже местоименную систему языка вери).

Существует и другое, более тонкое решение, отраженное в части «б» таблицы 2. Можно было бы сказать, что аймар-

ский инклюзив действительно не является местоимением множественного числа, но всё же является местоимением первого лица — в первом лице различается, таким образом, эксклюзивное местоимение 'говорящий и возможно другие, но не адресат' и инклюзивное местоимение 'говорящий и адресат, и, возможно, другие'. Замечу, что местоимение *na(ya)* в значении единственного числа 'говорящий' тогда тоже оказывается эксклюзивным, так как оно не включает адресата, что, на мой взгляд, противоречит интуитивному представлению об эксклюзивности². В любом случае, автор не видит в этом подходе ни внутренней противоречивости, ни нестыковки с аймарской местоименной системой. Отказ от него может быть мотивирован только некоторыми теоретическими соображениями, подробно изложенными ниже в разделе 4.

Как бы то ни было, аймарская грамматика принимает иное, на мой взгляд, интуитивно более оправданное решение, выделяя инклюзив в качестве независимого, четвертого лица (аймарская грамматика так и называет его *ч е т в е р т ы м* лицом). Этот простой и, с моей точки зрения, единственно адекватный подход отражен в части «в» таблице 2.

Таблица 2

Интерпретации личных местоимений аймарского языка

а				б			в	
		Sg	Pl					
I	Excl	<i>na(ya)</i>	<i>na[-naka]</i>	I	Excl	<i>na(ya)[-naka]</i>	I	<i>na(ya)[-naka]</i>
	Incl		<i>hiwasa[-naka]</i>		Incl	<i>hiwasa[-naka]</i>	Incl	<i>hiwasa[-naka]</i>
II		<i>huma</i>	<i>huma[-naka]</i>	II		<i>huma[-naka]</i>	II	<i>huma[-naka]</i>

Проблемы с атрибуцией инклюзивного местоимения могут возникать и в языках с обязательным местоименным числом³. Целый ряд работ посвящен парадигматическим особенностям местоимения 'говорящий и адресат', которое в англ-

² Я бы предположил, что это противоречие связано с тем, что эксклюзив интуитивно понимается не просто как признак [-Адресат], а именно как формула 'и другие лица, ни один из которых не является адресатом'.

лийской терминологии называется dual inclusive (наиболее традиционный термин), minimal inclusive, restricted inclusive. Мы будем называть это местоимение **я д е р н ы м и н к л ю з и в о м**. Инклюзивное местоимение, обозначающее совокупность ‘говорящий, адресат и другие’, мы будем называть **р а с ш и р е н н ы м и н к л ю з и в о м**⁴.

Большая часть (возможно, даже большинство) языков с инклюзивом формально не различает значения ядерного и расширенного инклюзива; эти значения совпадают в одном инклюзивном местоимении в нахско-дагестанских, дравидийских, алгонкинских языках, языках тупи-гуарани и во многих других.

С другой стороны, многие австронезийские, австралийские и другие языки выражают эти значения двумя разными местоименными лексемами. Так, в полинезийском языке ниуэ [Полинская 1995] местоимение *taua* значит ‘говорящий и адресат’, а местоимение *tautolu* — ‘говорящий, адресат и другие’. В целом система личных местоимений языка ниуэ выглядит следующим образом:

Личные местоимения языка ниуэ

		Sg	Du	Pl
I	Excl	<i>au</i>	<i>maua</i>	<i>mautolu</i>
	Incl		<i>taua</i>	<i>tautolu</i>
II		<i>koe</i>	<i>mua</i>	<i>mutolu</i>
III		<i>ia</i>	<i>laua</i>	<i>lautolu</i>

³ Я благодарен Г. Корбетту, курс которого «Число», прочитанный на Летней типологической школе в Майнце в 1998 г., привлек мое внимание ко многим из цитируемых здесь работ и к местоименным системам этого типа в целом, и Е. Филимоновой, дискуссии с которой упрочили мою аргументацию.

⁴ Соответствующие английские термины — augmented или non-restricted inclusive. В работе [Соколовская 1980] для данного местоименного значения предложен термин «суперинклюзивное местоимение», который, на мой взгляд, является слишком громоздким и к тому же имеет «неправильную», с точки зрения предлагаемого в настоящей статье подхода, внутреннюю форму; см. ниже.

Как видно, парадигмы двойственного и множественного чисел в языке ниуэ морфологически однородны — синхронно в них выделяются показатели *-ua* и *-utolu*, соответственно. Ядерный инклюзив принадлежит к парадигме двойственного, а расширенный — к парадигме множественного числа. Традиционная интерпретация инклюзивного местоимения как субкатегориального значения первого лица неединственного числа в ниуэ вполне допустима; она и представлена в таблице 3.

Однако не во всех языках, противопоставляющих ядерный и расширенный инклюзив, построение такой парадигмы возможно. Целый ряд исследований (среди прочих [Conklin 1962; Greenberg 1988; Леонтьев 1974, 72]; из последних работ см. [Corbett 2000, 166–169; Cysouw 2000, 81–86]) выявил языки, в которых ядерный инклюзив явно тяготеет к парадигме единственного числа. Ср. местоименную систему языка вери [Conklin 1967; Greenberg 1988]); для наглядности рядом помещены традиционная и нетрадиционная интерпретации этой системы.

Таблица 4

Личные местоимения языка вери

Нетрадиционная интерпретация				Традиционная интерпретация					
					Sg	Du	Tri	Pl	
1	<i>ne</i>	<i>ten-ip</i>	<i>ten</i>	1	Excl	<i>ne</i>	<i>tenip</i>		<i>ten</i>
Incl	<i>tepir</i>	<i>tëar-ip</i>	<i>tëar</i>		Incl		<i>tepir</i>	<i>tëarip</i>	<i>tëar</i>
2	<i>ně</i>	<i>ar-ip</i>	<i>ar</i>	2		<i>ně</i>	<i>arip</i>		<i>ar</i>
3	<i>pě</i>	<i>pëar-ip</i>	<i>pět, pëar</i>	3		<i>pě</i>	<i>pëarip</i>		<i>pět, pëar</i>

Очевидно, что левая часть таблицы не только лучше организует местоименную парадигму (в том смысле, что не оставляет пустых клеток), но и делает более осмысленным морфологическое членение местоименных форм второго столбца⁵: по аналогии с местоимениями *ten-ip* ‘говорящий и еще один человек’, *ar-ip* ‘адресат и еще один человек’ и *pëar-ip*

⁵ Сходный анализ предпочтителен и для некоторых языков, морфологическая структура местоимений в которых менее прозрачна, чем в вери; в таких языках он основан, в первую очередь, на соображениях представления парадигмы, т. е. элиминации пустых клеток. Подробнее см. [Greenberg 1988; Corbett 2000, 167].

‘они двое’ оказывается возможным выделение показателя *-ip* в местоимении *t̥ar-ip* ‘говорящий, адресат и еще один человек’. Очевидно также, что такая перестройка парадигмы требует переосмысления категории местоименного числа. Гринберг и другие вообще предпочитают говорить об иной категории, в которой традиционные двойственное и множественное число замещаются значениями ‘и еще один человек’ и ‘и еще более чем один человек’, соответственно (см. также сноску 11).

Нам, однако, сейчас важно то, что инклюзивное местоимение *tepir* снова оказывается в одном парадигматическом ряду с местоимениями ‘я’ и ‘ты’, причем отнесение его к первому лицу (ср. таблицу 2, часть «б») еще более проблематично, чем в случае аймарского языка. Действительно, для этого следует признать эксклюзивным местоимение *ne*, единственным значением которого является ‘говорящий’ (в то время как аналогичное «эксклюзивное» местоимение *na(ya)* ‘я и, возможно, другие, но не адресат’ в аймарском по крайней мере имеет, наряду со странным для эксклюзива значением ‘говорящий’, также и привычное эксклюзивное значение ‘говорящий и другие, но не адресат’); см. выше примечание 2.

3. Иными словами, в некоторых местоименных системах интерпретация инклюзива как субкатегориального значения первого лица множественного числа сталкивается с плохо преодолимыми трудностями. Возникает вопрос, а какие основания обычно выдвигаются в пользу отнесения инклюзива к категории первого лица? Какие могут в принципе существовать основания для отнесения инклюзива к первому лицу? Рассмотрим последовательно сперва формальные, затем функциональные критерии.

С формальной точки зрения аргументом в пользу отнесения инклюзива к первому лицу могла бы являться морфологическая корреляция инклюзивного местоимения с одним из местоимений первого лица — ‘я’ или ‘мы’-эксклюзивным. Действительно, в некоторых языках инклюзивное местоимение «похоже» на одно из местоимений первого лица (ср., например, старомонгольские местоимения *bi* ‘говорящий’ ~ *ba* ‘говорящий и другие’ ~ *bide* ‘говорящий, адресат и, возмож-

но, другие’ [Орловская 1997, 25]). Таких языков относительно немного; но самое важное, что корреляция между инклюзивом и местоимением первого лица никогда не бывает вполне регулярной — например, инклюзивное местоимение не образуется от местоимения первого лица единственного числа прибавлением показателя множественности и вообще не может быть более регулярным морфологическим образованием от местоимения ‘я’, чем эксклюзивное местоимение ⁶.

Выражаясь не совсем строго, инклюзив (почти) никогда не бывает в большей степени первым лицом, чем эксклюзив. В большинстве языков инклюзив морфологически независим от местоимений ‘я’ и ‘мы’-эксклюзивное (как, например, в дагестанских языках с инклюзивом). Иначе говоря, никакой сколько-нибудь типологически выраженной морфологической связи между инклюзивом и ‘мы’-эксклюзивным, по-видимому, не наблюдается.

Более того, в отдельных, хотя и крайне немногочисленных языках инклюзив обнаруживает морфологическую корреляцию не с первым, а скорее со вторым лицом; в работе [Newman 1946, 244; Филимонова, в печати] приводятся данные языка йокутс, в котором инклюзив образуется от основы местоимения второго лица единственного числа (*na* ‘я’, *na’ak* ‘я и еще один человек’, *na’an* ‘я и другие’, ср. *ta* ‘ты’ ~ *ta’ak* ‘ты и еще один человек’ ~ *tak* ‘ты и я’; как видно, и здесь членение инклюзива на личную основу и показатель не может быть вполне регулярным). В таких случаях некоторые исследователи, например Д. Н. Ш. Бхат [Bhat, готовится к печати], ориентируясь именно на морфологическую схожесть инклюзива со вторым лицом, предлагают считать инклюзив ~ эксклюзив субкатегорией второго лица и приходят к терминологической системе местоимение первого лица ‘говорящий и другие’ vs. инклюзивное местоимение второго

⁶ Одно из возможных исключений — гималайский язык лимбу (киранти) [van Driem 1987, 25]. Тот факт, что эксклюзив в этом языке кажется морфологически производным от инклюзива (*anga* ‘я’ ~ *ani* ‘говорящий, адресат и другие’ ~ *anige* ‘говорящий и другие’; ср. *khene?* ‘ты’ ~ *khēni* ‘вы’), противоречит излагаемой здесь точке зрения. Впрочем, даже в этом случае формальные отношения не полностью регулярны; кроме того, определенные сомнения в материале лимбу вызывает тот факт, что в родственном лимбу языке думи (также киранти) [van Driem 1993, 80] местоименная система выглядит вполне регулярной.

лица ‘адресат, говорящий и другие’ vs. эксклюзивное местоимение второго лица ‘адресат и другие’.

Однако можно ли при решении вопроса о личной атрибуции инклюзива опираться только на формальные характеристики местоимения, если эти характеристики не подкреплены функционально содержательной интерпретацией? С методологической точки зрения, такой подход кажется ошибочным. В языке тетельсинго нахуатль (юто-ацтекский) первое лицо множественного числа материально совпадает с местоимением второго лица единственного числа (в системе префиксов) или образуется от него (в системе самостоятельных местоимений). Ср. личные префиксы *ni-* ‘я’, *ti-* ‘ты’, ‘мы’; *ne(n)-* ‘вы’; независимые местоимения *naha* ‘я’, *taha* ‘ты’, *tehwa* ‘мы’, *nemehwa* ‘вы’, ср. также *yaha* ‘он, она’, *yehwa* ‘они’ [Pittman 1954, 17] (инклюзива в этом языке нет). Является ли это формальное сходство достаточным основанием для отнесения местоимения ‘мы’ ко второму лицу? По-видимому, оно лишь отражает развитие формы первого лица множественного числа из той же основы, что и второе лицо⁷. До тех пор, пока наблюдения над формой не подкреплены функциональной интерпретацией, следует считать, что отмечаемые в отдельных языках более или менее нерегулярные формальные корреляции между инклюзивом и местоимениями первого (или, реже, второго) лица отражают диахронические связи между формами этих местоимений.

Приступим поэтому к функциональной характеристике инклюзива. Инклюзив — это местоимение, обозначающее совокупность лиц, в которую входят говорящий и адресат. Как уже было сказано выше, традиционная точка зрения относит инклюзив к первому лицу именно потому, что в обозначаемую совокупность входит говорящий, а инклюзивное оно потому, что включает адресата. Однако традиционную терминологию можно вывернуть наизнанку. Можно сказать, что инклюзив — это местоимение второго лица, так как в обозначаемую совокупность входит адресат, а инклюзивное оно потому, что включает говорящего. В таком случае получаем систему из ‘мы’, ‘вы’-эксклюзивного (т. е. ‘адресат и другие’)

и ‘вы’-инклюзивного (т. е. ‘адресат, говорящий и другие’), соответствующую описанной несколько выше модели, предлагаемой, например, для языка йокутс. Такая терминологическая система, хотя и выглядит несколько непривычно, функционирование местоимений описывает ничуть не хуже, чем традиционная.

Что лежит в основании традиционной терминологии? Иными словами, почему инклюзив считается именно особым ‘мы’, в которое также входит адресат, а не особым ‘вы’, в которое также входит говорящий? Очевидно, традиционная точка зрения на инклюзив как на местоимение первого лица опирается на представление о доминации говорящего над адресатом.

С точки зрения функционирования личных местоимений этот тезис несомненно оправдан для безынклузивных языков. Так, русское *мы* применимо к любой группе лиц, в которую входит говорящий, вне зависимости от того, входит ли в нее адресат (в отличие от *вы*, которое применимо только к такой группе лиц, в которую не входит говорящий). Иными словами, в безынклузивном русском языке местоимение *мы* = ‘говорящий и другие’ в качестве ‘другого’ может включать адресата, в то время как местоимение *вы* = ‘адресат и другие’ в качестве других не может включать говорящего; если в группу входит говорящий, такая группа может быть описана только местоимением *мы* = ‘говорящий и другие’. Это можно считать прямым указанием на доминацию в русском (и других безынклузивных языках) говорящего над адресатом. И как раз этот критерий опровергается местоименной системой языков с инклюзивным местоимением — ведь инклюзив-

⁷ За это удивительное совпадение, возможно, ответственна грамматикализация категории вежливости. Форма *tehwa*, кроме того, что выражает местоименное значение ‘мы’, по-видимому, также является основой вежливого местоимения второго лица единственного числа *tehwan-ci*, где *-ci* — гонорифический суффикс, а *tehwan-* — полная форма основы *tehwa* (ср. архаическое *tehwan-te* ‘мы’) [Tuggi, 1979, 80]. Не исключено, что нынешняя конфигурация местоименной системы нахуатль определялась особенностями развития инклюзивного местоимения, которое, с одной стороны, по утрате языком категории инклюзивности может становиться ‘мы’-нейтральным (ср. местоименные системы имбабура кечуа [Cole 1982, 129] и хуаллага кечуа [Weber 1989, 37]), а с другой стороны, в некоторых языках приобретает значение вежливого местоимения второго лица (см. сноску 13).

ные языки именно тем и отличаются от безынклюзивных, что не позволяют говорящему использовать местоимение 'говорящий и другие' для обозначения группы, в которую входит адресат, и требуют использования специального инклюзивного местоимения. Иными словами, в отличие от местоименных систем [— инклюзив], в самих местоименных системах [+ инклюзив] нет ничего, что бы указывало на доминанцию говорящего над адресатом. Перейдем к подробному обсуждению этой проблемы, являющейся центральной темой статьи.

4. Мы видели, что в некоторых системах отнесение инклюзива к первому лицу затруднительно; кроме того, в самой широкой типологической перспективе в целом неясно, какие аргументы заставляют нас считать инклюзив местоимением первого лица. Теперь сформулируем некоторые соображения, показывающие, с нашей точки зрения, что инклюзив вообще никогда не следует считать местоимением первого лица⁸. Для этого, однако, нам потребуются сделать краткий экскурс в типологию лично-местоименного числа вообще.

То, что число личных местоимений существенно отличается от субстантивного, в последнее время стало прописной истиной. Обычно это формулируется в следующем виде — *собаки* = 'собака + собака + ... + собака', в то время как *мы* ≠ 'я + я + ... + я'; для *вы* возможны обе интерпретации⁹ (ср. например [Jespersen 1958, 22; Бенвенист 1974, 267]; обсуждение см. в [Corbett 2000, 83–84]). Вместо того чтобы вообще отказываться от термина *число* применительно к личным

⁸ Даже в случае языков типа ниуэ (см. таблицу 3), в которых применение традиционной модели инклюзива как субкатегории первого лица не приводит к построению неправдоподобных парадигм. Иначе говоря, предлагается отказаться от представления об инклюзиве как о местоимении первого лица вне зависимости от того, имеется ли в языке ядерный инклюзив и принадлежит ли он парадигме единственного (как в вери) или парадигме множественного (как в ниуэ) числа.

⁹ Некоторые авторы указывают на то, что местоимение *мы* может иметь значение аддитивной множественности (например *мы-хоровое*). Такие употребления совершенно очевидно носят периферийный характер. Более того, существует ряд аргументов в пользу того, чтобы признать первичность прочтения 'адресат и другие' и для местоимения *вы*. Эта проблема, однако, выходит за рамки настоящего изложения.

местоимениям, автор настоящей работы (как, впрочем, и многие другие исследователи) предпочитает говорить об особом местоименном числе, главной характеристикой которого является референциальная неоднородность.

Местоимение 'мы' характеризуется тем, что оно называет такую совокупность лиц, один из элементов которой непосредственно привязан к речевому акту и не нуждается в дополнительной актуализации (говорящий). В каком бы контексте ни было употреблено местоимение *мы*, адресат всегда точно может отождествить по меньшей мере один из элементов обозначаемой этим местоимением совокупности. То же можно сказать и про местоимение 'вы' — один из элементов обозначаемой этим местоимением совокупности заведомо фиксирован (это сам адресат), в то время как другие элементы необходимо идентифицировать исходя из прагматического или иного контекста¹⁰. Таким образом, референция личного местоимения первого (второго) лица множественного числа состоит из двух составляющих — указания на говорящего (адресата) и указания на наличие других, неэксплицированных референтов. Говорящего (адресата) мы будем называть фокусным референтом местоимения 'мы' ('вы'), а неэксплицированных членов совокупности — нефокусными референтами этого местоимения.

Категория лица обычно определяется для единственного числа как роль обозначаемого местоимением человека в речевом акте; говорящий — это первое лицо, адресат — второе лицо. Необходимо сделать более явной процедуру переноса категории лица на местоимения множественного числа. Понятие роли в речевом акте, на которое опирается категория лица в единственном числе, прямо неприменимо к группе лиц. Действительно, все референты местоимения 'мы' никогда не бывают говорящими; все референты местоимения 'вы' не

¹⁰ В принципе, формы с такой структурой референции характерны не исключительно для местоимений первого и второго лица. Так называемые формы ассоциативной множественности, образующиеся во многих языках от имен собственных, очень близки к личным местоимениям множественного числа. Существуют также отдельные примеры референциально неоднородных употреблений местоимений множественного числа третьего лица — ср. рус. *они с Петей*. Подробнее об этих аналогиях см. [Даниэль 2000].

обязательно должны являться адресатами (ср. сноску 9). Несмотря на это, мы называем местоимение 'мы' местоимением первого, а местоимение 'вы' — местоимением второго лица. Интуитивно очевидно, что такое использование терминов опирается на роль в речевом акте, характеризующую одного из членов обозначаемой группы.

Пользуясь введенным выше определением фокусного референта, определим лицо местоимения множественного числа как роль в речевом акте фокусного референта этого местоимения. Местоимение множественного числа первого лица определяется тогда как местоимение, фокусным референтом которого является говорящий ('говорящий и другие'), а местоимение множественного числа второго лица — как местоимение, фокусным референтом которого является адресат ('адресат и другие'). Такие определения, на наш взгляд, интуитивно очевидны — в том смысле, что удовлетворяют интуиции «среднестатистического лингвиста».

Рассмотрим теперь так называемое 'мы'-инклюзивное. Очевидно, что это местоимение указывает на наличие в составе своей референции обоих участников речевого акта — и говорящего, и слушающего. Таким образом, в отличие от местоимений 'мы'-нейтрального, 'мы'-эксклюзивного и 'вы', фокус 'мы'-инклюзивного содержит одновременно два референта — говорящего и слушающего ¹¹.

Следовательно, по предложенному выше определению, инклюзив не является ни местоимением первого, ни местоимением второго лица множественного числа (так как фокус не совпадает ни с говорящим, ни с адресатом); либо, при другой интерпретации, является одновременно и первым, и вто-

¹¹ Это позволяет объяснить, почему в ряде языков ядерный инклюзив 'говорящий и адресат' морфологически тяготеет к местоимениям 'я' и 'ты' — в этих языках парадигматика местоименной системы опирается не на категорию количественной характеристики группы (один человек ~ два человека ~ много людей), а на наличие в этой группе нефокусных референтов (фокус ~ фокус и еще один человек ~ фокус и другие). В рамках последней категории ядерный инклюзив, включающий только фокус инклюзивного местоимения (говорящего и адресата), совпадает с местоимениями 'я' и 'ты', тоже состоящими только из фокуса (также [McKay 1978; Greenberg 1988; Corbett 2000, 167; Даниэль 2000]).

рым лицом (так как фокус включает и говорящего, и адресата). Первая интерпретация соответствует используемому в некоторых грамматиках термину «четвертое лицо», а вторая — относительно часто встречающемуся обозначению «1/2».

Так как последнее следствие из определения лица местоимения множественного числа оказывается далеко не столь очевидным интуитивно и даже неожиданным (в основном, на мой взгляд, в силу привычки к традиционной интерпретации), попытаемся понять, чем отличаются языки с инклюзивным местоимением от языков без инклюзивного местоимения, и подкрепить наш вывод. Суть различия, очевидно, связана с тем, каким образом эти языки осуществляют номинацию совокупности, в которую одновременно входят оба участника речевого акта (оба локутора ¹²). На номинацию такой совокупности одновременно «претендуют» местоимения 'мы' (так как в совокупность входит говорящий), 'вы' (так как в совокупность входит адресат), а также, в языках с инклюзивом, инклюзивное местоимение (так как в совокупность входят и говорящий, и адресат). Но языки без инклюзива используют местоимение 'мы', а языки с инклюзивом — специальное инклюзивное местоимение. Ни те, ни другие не используют для этой цели местоимение 'вы' (см., однако, сноску 13). Как это можно объяснить?

Очевидно, в языках без инклюзивного местоимения адресат не может являться фокусом номинации такой совокупности, в которую входит говорящий. Иначе говоря, существует определенная иерархия локуторов (ср. [Кибрик 1997]), контролирующая выбор фокуса местоименной номинации. В языках без инклюзивного местоимения эта иерархия имеет вид [Говорящий > Адресат].

В языках с инклюзивным местоимением совокупность, в которую входят и адресат, и говорящий, не может называться ни местоимением 'мы'-эксклюзивное, ни местоимением 'вы'. Иначе говоря, адресат не может быть фокусом личного местоимения при наличии в совокупности говорящего (т. е. [Говорящий ≥ Адресат]), но и говорящий не может быть фокусом личного местоимения при условии вхождения в обозна-

¹² О термине «локутор» см., например, [Кибрик 1997].

чаемую совокупность адресата (т. е. [Говорящий $\leq$ Адресат]). Уже отсюда естественно сделать вывод, что [Говорящий = Адресат]; и действительно, местоимение, обозначающее такую совокупность в языках с инклюзивом, в качестве фокуса выбирает одновременно и говорящего, и адресата (т. е. используется инклюзивное местоимение).

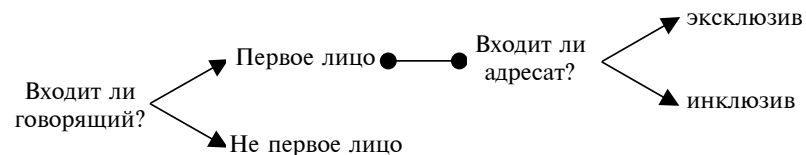
Иными словами, когнитивной базой различий в структуре местоименных систем инклюзивных и безинклюзивных языков являются отличия во взаимном упорядочивании локуторов¹³. Если в таких языках, как русский или английский, говорящий оказывается абсолютной доминантой, центром языковой картины мира (эгоцентричная модель), то наличие специального инклюзивного местоимения в таких языках, как хуаллага кечуа, тамильский или аварский, отражает другое соотношение между локуторами — адресат и говорящий равнодоминантны друг другу¹⁴.

5. Вооружившись этой моделью, вернемся к нашей терминологической проблеме. Что, собственно, стоит за устойчи-

¹³ У читателя, естественно, может возникнуть вопрос о том, почему не засвидетельствованы языки с третьей возможной иерархией [Адресат > Говорящий]. В таких языках один местоименный показатель употреблялся бы в роли традиционных 'вы' и 'мы'-инклюзивного, и другой — в роли традиционного 'мы'-эксклюзивного. Ответ будет неожиданным — такие языки существуют, хотя они крайне редки, а описания их, чаще всего, концептуально неадекватны (именно в силу редкости этого языкового типа). В наиболее явном виде такая система представлена в амазонском языке санума (яномамский) в системе независимых местоимений [Borgman 1990], а также в алгонкинских языках в системе личных префиксов (см, например, [Bloomfield 1956]; традиция описания североамериканских алгонкинских местоимений концептуально близка к предлагаемому в настоящей статье подходу), в южноафриканских койсанских языках в системе несингулярных личностно-местоименных основ (например, [Hagman 1977]), в южноамериканском языке отоми в системе лично-числовых суффиксов (например, [Hekking 1987]), в языках Южного Сулавеси в вежливом регистре [Fråberg 1996; Эрик Зобель в личном сообщении]. Эта тема, несомненно, заслуживает специального исследования. Как нам представляется, изложенная здесь концепция местоименного числа является единственной, которая способна адекватно отразить местоименную систему таких языков. Подробнее см. [Даниэль 2000].

¹⁴ Отметим, что работа [Филимонова 1997] в определенном смысле как раз посвящена исследованию корреляции между наличием в языке инклюзивного местоимения и его отклонением от эгоцентрической модели мира. В этой связи интересно замечание автора грамматики аймарского языка (имеющего инклюзив) о том, что, с точки зрения европейца, аймарская стратегия дискурса уделяет чрезвычайное внимание адресату речевого акта ([Hardman de Bautista 1974, 33] и особенно [Филимонова, в печати]).

вой традицией отнесения инклюзива к первому лицу? Как уже было сказано выше, европеец видит в языке с инклюзивом два местоимения 'мы' — такое, которое включает адресата, и такое, которое исключает его. В качестве концептуальной схемы, отражающей традиционную терминологию, можно предложить следующее:



Согласно этой модели, выбирая между личными местоимениями множественного числа, говорящий сначала определяет, входит ли в определяемую совокупность он сам (говорящий); лишь потом, если уже установлено, что он входит в эту совокупность, он определяет, входит ли в обозначаемую совокупность адресат. Из схемы очевидно, что в традиционную терминологию заложена доминанция говорящего над адресатом — говорящий является приоритетным референтом, а адресат — второстепенным. Однако выше мы показали, что когнитивной базой наличия в языке инклюзивного местоимения является как раз отсутствие доминанции говорящего над адресатом, их равномошность (по меньшей мере, в рамках системы личных местоимений).

Построенная нами модель не только демонстрирует неадекватность традиционной номенклатуры. Важно (быть может, даже важнее) то, что она в явном виде демонстрирует происхождение, источник этого теоретического заблуждения. Действительно, если отнесение инклюзива к первому лицу является следствием представления об универсальности доминанции говорящего над адресатом, то очевидно, что глубоко в основании традиционного взгляда на инклюзив лежит проекция европейского языкового сознания на данные языков иной структуры. Вернемся снова к таблице 1. Теперь очевидно: инклюзив относят к первому лицу на самом деле

именно потому, что он переводится на безынклюзивный язык местоимением ‘мы’¹⁵.

6. Итак, предметом настоящей статьи являлся вопрос об обоснованности включения инклюзивного местоимения в категорию первого лица в качестве субкатегории. Автор отнюдь не является первым, кто высказывает сомнение в корректности такого анализа. Не говоря уже о многочисленных описательных грамматиках, в которых по тем или иным конкретно-языковым причинам (некоторые из них обсуждаются выше в разделе 1) инклюзив считается отдельным лицом, существуют и общетеоретические работы, высказывающие ту же точку зрения. Подборку ссылок на такие работы можно найти в [Jakobsen 1980]; эту точку зрения можно вычитать в [Бенвенист 1974, 267–268]. С концептуальной точки зрения, нам ближе всего аргументация небольшой работы [Hollenbach 1970], в которой по существу сказано, что инклюзивное местоимение доминирует над местоимениями других лиц. С нашей точки зрения, однако, правильнее говорить об отношениях доминанции не в сфере грамматических категорий (лиц), а в сфере когнитивных сущностей (локуторов). В отличие от подхода Холленбах, наш подход имеет очевидную функциональную мотивацию и может объяснить существование местоименных систем с локутивной иерархией [Адресат > Говорящий] (см. выше сноску 13)¹⁶. Целью настоящего исследования являлось, собственно, предложить новое и по возможности убе-

¹⁵ Можно было бы подвергнуть сомнению вывод о том, что инклюзив не является местоимением первого лица, на том основании, что доминанция говорящего над адресатом универсальна в силу специфики речевого акта («речевой акт всегда исходит от говорящего и потому говорящий всегда является дейктической доминантой»). Если признавать эгоцентричность языка его универсальной когнитивной характеристикой, то, действительно, инклюзив можно и целесообразно признавать местоимением первого лица. Но такое допущение приводит к существенным и непреодолимым неадекватностям в описании отдельных языков (см. сноску 13; также [Кибрик 1997]).

На мой взгляд, впрочем, важно уже то, что приведенная аргументация вскрывает проблемность традиционной точки зрения для ее приверженцев — для отнесения инклюзива к первому лицу приходится в явном виде формулировать постулат об универсальности доминанции говорящего над адресатом, и, следовательно, ставить проблему обоснования этого постулата.

¹⁶ В несколько другом аспекте о связи между наличием в языке инклюзива и локутивными иерархиями см. [Филимонова 1997].

дительное обоснование этой точки зрения. Представляется уместным кратко резюмировать нашу аргументацию.

Мы начали с того, что описали традиционную точку зрения на инклюзив (раздел 1) и рассмотрели несколько проблематичных примеров — языки, применительно к которым некоторые исследователи отказываются от этой установки (раздел 2). Затем было сформулировано положение о том, что традиционная точка зрения не подкрепляется функциональными соображениями, а относительно редкие случаи, когда за отнесением инклюзива к первому или ко второму лицу стоит определенная морфологическая реальность, могут в определенном смысле считаться диахронически мотивированными окказионалиями (раздел 3). Далее, опираясь на референциальную модель местоименной множественности, мы смоделировали когнитивную базу различий между языками с инклюзивом и языками без инклюзива. Сравнив эти результаты с традиционной терминологией, мы увидели, что последняя не только не находит никакого подтверждения в построенной когнитивной модели инклюзивных местоименных систем, но и прямо противоречит ей (раздел 4). Наконец, было высказано предположение (раздел 5), что привычное отнесение инклюзива к категории первого лица коренится в европоцентристской ориентации мировой грамматической традиции и является по сути проекцией характерной для европейских языков грамматической модели категории лица на языки принципиально иной структуры.

Когда я начинал писать этот текст, я вдруг почему-то живо представил себе, что я излагаю всё то же самое Тане. Она внимательно смотрит, кивает и утвердительно хмыкает (естественно, мне представлялось, что я выражаю свои мысли убедительно). Я уверен, что и другие помнят эти ее *хмыки*. Суть моей статьи сводится к тому, что в языках с инклюзивным местоимением адресат (читай — собеседник) на равных с говорящим участвует в речевом акте. Это если мыслить в терминах грамматической и прагматической структуры языка. В действительности, наверное, это зависит не от языка, а от собеседника.

Литература

- [БЕНВЕНИСТ 1974] — Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. — М., 1974.
- [ДАНИЭЛЬ 2000] — Даниэль М. А. *Типология ассоциативной множественности* / Автореф ... канд. дисс. — М., 2000.
- [ЕСПЕРСЕН 1958] — Есперсен О. *Философия грамматики*. М., 1958.
- [КИБРИК 1997] — Кибрик А. Е. *Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики* // Вопросы языкознания. — 1997. — № 4.
- [ЛЕОНТЬЕВ 1974] — Леонтьев А. А. *Папуасские языки*. — М., 1974.
- [ЛЭС 1990] — *Лингвистический энциклопедический словарь*. — М., 1990.
- [МЕЛЬЧУК 1998] — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии*. Том II. Часть вторая: морфологические значения. — Москва; Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- [ОРЛОВСКАЯ 1997] — Орловская М. Н. *Старописьменный монгольский язык* // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. — М., 1997.
- [ПЛУНГЯН 2000] — Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. — М., 2000.
- [ПОЛИНСКАЯ 1995] — Полинская М. С. *Язык ниуэ*. — М., 1995.
- [СОКОЛОВСКАЯ 1980] — Соколовская Н. К. *Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений* // Теория и типология местоимений. — М., 1980.
- [ФИЛИМОНОВА 1997] — Филимонова Е. Ю. *К вопросу об иерархическом упорядочивании лиц. Выделенность второго лица. Гипотеза языковой корреляции* // Вопросы языкознания. — 1997. — № 4.
- [ФИЛИМОНОВА, в печати] — Филимонова Е. Ю. *Person Hierarchy and Its Implication: The Case of Aymara* // H. van der Voort, S. van de Kerke, E. Crevels (eds.). ILLA (Indigenous Languages of Latin America) 2.
- [БАУТИСТА 1974] — Hardman de Bautista M. *Outline of the Aymara: Phonological and Grammatical Structure*. — Gainesville, 1974.
- [БЛОМФИЛД 1956] — Bloomfield L. *Eastern Ojibwa*. — Ann Arbor: UMP, 1956.
- [БОКСВЕЛЛ 1967] — Boxwell M. *The Weri pronominal system* // Linguistics 29, 1967.
- [БОРГМАН 1990] — Borgman D. M. *Sanuma* // Desmond C. Derbyshire and Geoffrey K. Pullum (eds.). *Handbook of Amazonian Languages* 2. — Berlin, 1990.

- [БНАТ, ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ] — Bhat D. N. S. *Pronouns and proforms*.
- [CONKLIN 1956] — Conklin H. C. *Lexicographical treatment of folk taxonomies* // Householder and Saporta (eds.). *Problems in Lexicography*. — Bloomington: Indiana University, 1962.
- [CORBETT 2000] — Corbett G. *Number*. Cambridge, 2000.
- [CYSOUW 2000] — Cysouw M. A. *The Paradigmatic Structure of Person Marking*. Proefschrift... Nijmegen, 2000.
- [FRIBERG 1996] — Friberg B. *Konjo's peripathetic person markers* // Heinsteinhauer (ed.) *Papers in Austronesian Linguistics*, No. 3. Pacific linguistics A-87, 1996.
- [GREENBERG 1988] — Greenberg J. H. *The first person inclusive dual as an ambiguous category* // *Studies in Language* 12, 1988.
- [HAGMAN 1977] — Hagman R. S. *Nama Hottentot Grammar*. — Bloomington, 1977.
- [HEKKING 1987] — Hekking E. *Gramática Otomí*. — Universidad Autynoma de Querétaro, 1987.
- [HOLLENBACH 1970] — Hollenbach B. *Inclusive Plural: a further look* // *Linguistics*. — 1970. — 56.
- [JACOBSEN 1980] — Jacobsen W. H. *Inclusive / Exclusive: A Diffused Pronominal Category in Native Western North America* // *Papers from the Parasession on Pronouns and Anaphora*. — Chicago Linguistics, 1980.
- [MCKAY 1978] — McKay G. R. *Pronominal person and number in Rembarrnga and Djeebana* // *Oceanic Linguistics*. — 1978. — Vol. XVII, No.1
- [NEWMAN 1946] — Newman S. S. *The Yawelmani Dialect of Yokuts* // *Linguistic Structures of Native America*. — New York, 1946.
- [PITTMAN 1954] — Pittman R. S. *A Grammar of Tetelcingo (Morelos) Nahuatl* // *Language*. — 1954. — Vol. 30, № 1 (Part 2). Supplement. Language Dissertation No. 50. Waverly Press Inc.
- [TUGGY 1979] — Tuggy D. H. *Tetelcingo Nahuatl* // R. W. Langacker (ed.). *Studies in Uto-Aztec Grammar*. Vol. 2: *Modern Aztec Grammatical Sketches*. — SIL, 1979.
- [VAN DRIEM 1987] — Van Driem G. *A Grammar of Limbu*. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1987.
- [VAN DRIEM 1993] — Van Driem G. *A Grammar of Dumi*. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993.
- [WEBER 1989] — Weber D. J. *A Grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua*. University of California Press, 1989.